

Лу Цинъюй слегка растерялся. Он не хотел вторгаться в чужую личную жизнь и думал, что на этом разговор закончится, даже если Лю Яньчуань так и не объяснит, почему ненавидит английский. Он немного облегчённо вздохнул, но оказалось, что история имеет продолжение.

— После развода родителей мама переехала со мной в общежитие своей компании. Отец несколько раз приходил к нам, умоляя маму простить его. В конце концов мама, устав от его преследований, взяла кредит и купила эту квартиру. Отец об этом не знал.

— Потом, узнав, что мы переехали, он начал поджидать меня у школы, надеясь, что я прощу его и попрошу маму дать ему шанс.

— Но каждый раз, когда я видел его лицо, меня тошнило. Это напоминало мне о том учебнике английского, который тогда упал на пол. Из-за этого я стал ненавидеть и сам английский, поэтому просто перестал его учить.

— Потом мой характер постепенно изменился. Сначала одноклассники, потом учителя стали считать меня трудным в общении. В конце концов даже мама стала замечать, что я становлюсь всё более замкнутым.

— На самом деле мне было нелегко, но я не мог ни с кем поделиться этим. Казалось, что говорить об этом — значит показать свою слабость. Поэтому я просто молчал.

Лу Цинъюй смотрел на парня рядом с ним. Тот рассказывал о своём несчастливом прошлом, но делал это с таким равнодушием, будто это происходило не с ним. Лу Цинъюй почувствовал жалость. Как много боли хранилось в его сердце, и как тяжело ему было держать всё в себе.

— Ты... не переживай слишком сильно... — Лу Цинъюй не знал, как утешить Лю Яньчуаня, и лишь похлопал его по спине.

— Всё в порядке. — Лю Яньчуань улыбнулся, давая понять, что с ним всё в порядке.

— Я... я раньше не знал об этом и не учитывал твоих чувств, настаивая, чтобы ты учил английский. Тебе было тяжело, да?.. Прости.

— Не извиняйся. Это я сам раньше ничего не говорил. Обычно мне не с кем поговорить, а сейчас, рассказав тебе, мне стало легче. Это я должен благодарить тебя.

— Ты ни с кем не делился этим? Даже с самыми близкими друзьями?

— Нет. — Лю Яньчуань покачал головой и допил последнюю половину бутылки колы. — Я слишком замкнут, да и характер у меня не сахар. Друзей у меня почти нет...

Лу Цинъюй почувствовал сострадание к этому парню. Ему всего восемнадцать-девятнадцать лет, возраст, когда нужно заводить друзей и веселиться, но из-за своего характера он остался один.

— Ты...

Лу Цинъюй хотел что-то сказать, но Лю Яньчуань его перебил.

— За всё это время я понял, что только ты, Юй-гэ, можешь меня терпеть. Поэтому я хочу с тобой дружить...

Лю Яньчуань вертел в руках пустую алюминиевую банку. Возможно, из-за того, что он сжимал

её слишком сильно, некогда ровный цилиндр был помят и испещрён вмятинами. Он пристально смотрел на искореженную банку с видом полной сосредоточенности. Тонкая чёлка мягко спадала ему на лоб, наполовину скрывая выразительные брови-мечи.

До того как начать преподавать, Лу Цинъюя предупредил Фан Цзэвэй, что у этого парня скверный характер. Лу Цинъюй думал, что это будет очередной подросток с синдромом бунтарства, но оказалось...

И в душе он, должно быть, очень хотел иметь близких друзей, но из-за того, что не мог высказаться, стал одиночкой.

— Ты... ты хочешь со мной дружить?

В душе Лу Цинъюя клокотало чувство вины. Ведь Лю Яньчуань просто хотел с ним подружиться, а он неправильно понял его намерения и сторонился его.

— Это... можно? — Услышав его слова, Лю Яньчуань тут же поднял голову, и в его глазах уже не было и следа от того брошенного щенка, каким он был минуту назад. Его глаза засветились.

Возможно, боясь снова получить отказ, в его взгляде читались неуверенность и сомнение.

— Конечно. Если что-то случится, обращай ко мне! — Лу Цинъюй, чувствуя вину, готов был поручиться за свои слова перед этим большим парнем, похожим на щенка.

— Хорошо, тогда я буду тебя беспокоить, Юй-гэ, только не сердись. — Лицо Лю Яньчуаня озарила солнечная улыбка.

— Конечно нет.

— On a cold December night I gave my heart to you. And by the summer you were gone...

Знакомая мелодия нарушила тишину в гостиной. Звук доносился из рюкзака Лу Цинъюя.

— Извини, мне нужно ответить. — Лу Цинъюй извиняюще улыбнулся Лю Яньчуаню, который махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

— Алло? Вэй-гэ? Что случилось?

...

— Они хотят пить, так что я куплю на обратном пути.

...

— Не знаешь, что хочешь? Тогда подумай и скажи мне... Я? Я возьму «Эрл Грей» с молочной пенкой.

...

— Да, с улуном. Мне нравится улун. Две чашки в общежитие? Хорошо, понял. «Эрл Грей», на основе зелёного чая.

...

— Ага, пока.

Лу Цинъюй положил телефон в карман, но прежде чем он успел что-то сказать, Лю Яньчуань заговорил первым.

— Юй-гэ, ты уходишь?

— Угу. — Лу Цинъюй кивнул. — Соседи по комнате хотят Гунча, так что я потороплюсь и куплю им по пути.

— Хорошо, я тебя провожу.

Лу Цинъюй только собрался взять свой рюкзак, но Лю Яньчуань опередил его.

— Пошли. — Лю Яньчуань кивнул в сторону двери.

Раз уж Лю Яньчуань взял его рюкзак, Лу Цинъюй решил не возражать, чтобы не показаться слишком щепетильным.

Снова проводили до подъезда.

— Пока, до завтра. — Лу Цинъюй обернулся и помахал рукой.

— Пока. — Лю Яньчуань тоже помахал ему в ответ.

Время всегда ускользает незаметно. Лю Яньчуань помнил, как впервые увидел Лу Цинъюя в холодный ранний весенний день, когда все были укутаны в тёплую одежду, а низкая температура и дождь вызывали раздражение.

Теперь был конец весны, время настоящего тепла, но цветы уже почти отцвели, оставив лишь красные следы на земле, отчаянно цепляющиеся за жизнь. Все деревья уже начали менять свои светло-зелёные молодые листья на более тёмные, изумрудные.

Этот район был старым, поэтому уличные фонари в общественных зонах либо давно сломаны, либо светят тускло.

Лю Яньчуань стоял под светом фонаря у подъезда. Белый свет был тусклым, скрывая его лицо и полностью погружая его взгляд в темноту.

Только он знал, что его глаза неотрывно следили за удаляющейся вдаль белой фигурой.

Лу Цинъюй шёл неспешно, и его тень под тусклыми уличными фонарями то сливалась с тенями деревьев, то с тенями фонарных столбов.

Деревья и фонари были большими, и на их фоне фигура Лу Цинъюя казалась ещё более худой и одинокой.

Лю Яньчуань усмехнулся, наблюдая за удаляющейся фигурой, как волк, следящий за добычей.

Неужели он действительно такой простак?

В детстве он действительно пережил травму из-за измены отца, что повлияло на его отношение к английскому и общению. Но за столько лет это должно было уже пройти, и он не должен был терять базовые навыки общения.

Он просто воспользовался моментом, чтобы, разыграв трагедию и пролив слёзы, рассказать о своём детстве и вызвать сочувствие, чтобы не упустить своего потенциального парня.

В его планах это не должно было сработать так легко, но, к его удивлению, Лу Цинъюй действительно проникся.

— Юй-гэ, быть слишком глупым — опасно, — с улыбкой произнёс Лю Яньчуань так тихо, что слышно было только ему.

Лу Цинъюй же всё ещё размышлял над своими действиями.

Недавно он слишком остро отреагировал на поведение Лю Яньчуаня.

Он просто боялся повторить прошлые ошибки, как кролик, который всегда настороже в дикой природе, готовый бежать при малейшем шорохе.

Возможно, он просто слишком чувствителен и неправильно понял намерения Лю Яньчуаня.

При мысли об этом лицо Лу Цинъюя покраснело от стыда и смущения.

Хорошо, что он не сказал ничего резкого, иначе это стало бы настоящим позором, — с облегчением подумал он.

[Авторских примечаний к главе нет]

<http://bllate.org/book/16176/1450666>